

УДК 008

Александра Серёгина

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ТЕХНОЛОГИ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ И СТРАТЕГИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В статье осмысливаются сложные процессы, происходящие с самоидентичностью человека в условиях прогресса в области новейших биотехнологий, генной инженерии, структурных преобразований социальных институтов, превращения политики в биополитику. Проанализированы концепции биополитики в современной философии М. Фуко и Дж. Агамбена, а также рассмотрено влияние биотехнологий на современного человека, опираясь на работы Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса и А. Болонкина.

Ключевые слова: биополитика, биотехнология, биовласть, паноптикон, эксплуатация, манипуляция, онтологическая безопасность, прикладная культурология.

Serogina O. Identity of a man in contemporary culture: technology of cultural operation and strategy of liberation

This article is an attempt to understand complicated processes which occur with self-identity of a man in the condition of progress in the field of new biotechnology, genetic engineering, structural transformation of social institutions, turning policy into biopolitics. The author analyzes the concept of biopolitics in the modern philosophy of M. Foucault and G. Agamben, and considers the effect of biotechnology on modern man, referring on the works of F. Fukuyama, J. Habermas and O. Bolonkin.

Key words: biopolitics, biotechnology, biopower, panoptikon, exploitation, manipulation, ontological security, applied cultural studies.

Серьогіна О. Ідентичність людини в сучасній культурі: технології культурної експлуатації та стратегії звільнення

У статті осмислюються складні процеси, що відбуваються з самоідентичністю людини в умовах прогресу в галузі новітніх біотехнологій, генної інженерії, структурних реконструкцій соціальних інститутів, перетворення політики на біополітику. Проаналізовано концепції біополітики в сучасній філософії М. Фуко і Дж. Агамбена, а також розглянуто вплив біотехноло-

гій на сучасну людину за працями Ф. Фукуями, Ю. Габермаса та О. Болонкіна.

Ключові слова: *біополітика, біотехнологія, біовлада, паноптикон, експлуатація, маніпуляція, онтологічна безпека, прикладна культурологія.*

В классический век произошло открытие тела как объекта и миши власти, тела, которое подвергается манипуляциям, формированию, муштре, которое повинуетя, реагирует, становится ловким и набирает силу. Послушное тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать. Изучение механизмов и практик, служащих целям контроля над людьми, красной нитью тянутся сквозь весь классический век. И именно в этот период рождается, так называемый, «человек современного гуманизма» [6].

Несомненно, актуальным сегодня является рассмотрение вопроса о том, какое влияние оказывает культура на формирование и сохранение человеком своей идентичности, а также возможно ли его ограничение и преодоление. В данной статье мы постараемся дать ответы на эти вопросы. Следует отметить, что в исследовании механизмов эксплуатации человека в культуре, нашей целью является представление всеобъемлющего положения вещей, существующего на сегодняшний день. Из этого следует, что нами будут рассмотрены некоторые концепции биополитики (М. Фуко, Дж. Агамбен), а также проанализировано влияние биотехнологий на современного человека (Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, А. А. Болонкин).

Итак, в эпоху Просвещения властные отношения во многом приобретают новый характер. Дабы раскрыть, какой именно, мы обратимся к концепции «дисциплинарной власти», разработанной французским философом, теоретиком культуры и историком М. Фуко в его труде «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы».

Власть в 18 веке от ярких символических проявлений, осуществляющихся посредством феномена пытки переходит к постепенной, методичной и систематичной, мелочной и кропотливой работе над телами своих подчиненных. Именно они становятся объектами и целями власти. Их требуется превратить в «послушные тела».

«Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново. Рождается «политическая анатомия, являющаяся одновременно «механикой власти». Она определяет, как можно подчинить себе тела

других... Так дисциплина производит подчинённые и упражняемые тела, «послушные тела...» [6, с. 201]

Процесс этот происходил постепенно, стихийно и сразу в самых разнообразных областях человеческой деятельности – в армии, школе, больнице, тюрьме. В результате в обществе складывается особый тип власти, который Фуко и обозначает как дисциплинарную власть.

Власть занимается, таким образом, дрессировкой тел. Одним из важнейших инструментов для этой цели является иерархический надзор, идея которого заключается в том, чтобы наблюдать за контролируемым телом, не будучи замеченным. Формируется особая архитектура, направленная на создание условий для непрерывного иерархического надзора за помещенными в дисциплинарное пространство телами. Примером такого здания, по мнению Фуко, является «паноптикон» Бентама, описание которого он и приводит в своём труде.

«Основная цель паноптикона: привести заключённого в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти, короче говоря, чтобы заключенные были вовлечены в ситуацию власти, носителями которой они сами же являются...» [6, с. 294]

Отсюда, следуя за размышлениями Фуко, можно сделать вывод, что наше общество с его социальными институтами и разнообразными учреждениями представляет собой не что иное, как хорошо организованную машину, машину управлениями человеческими телами или вышеупомянутый паноптикон.

Следовательно, человек оказывается лишен того, что, как он был уверен, единственное, чем он безраздельно властвует самостоятельно, единственное, что принадлежит только ему одному и ему одному подчиняется – своего тела. В статье «Ницше, генеалогия, история», которая вошла в сборник статей «Ницше и современная западная мысль» Фуко заключает: «... на теле мы находим стигматы прошлых событий, тело – место расщепления Я, ёмкость в состоянии постоянной эрозии... Тело всё пропечатано историей...» [7, с. 540-541]

Единообразие, идею универсальности как идеала, образ искаженной идентичности – вот, что приносит нам всепоглощающий контроль над обществом. Откровенная манипуляция гносеологическими картинами мира, ценностями и мотивами индивидов, их мысли и поведение воспринимаются как нечто гибкое, как объект практик.

К сожалению, как правило, теории по своей проблематике близкие концепции М. Фуко (и она не исключение) представляют собой лишь изложение фактического материала и не содержат дальнейше-

го «руководства» по преодолению существующего положения вещей. Бесспорно, Фуко не обходит эту проблему стороной, но, в то же время, и не предлагает вариантов её решения. Открыто заявляя о несвободе субъекта, находящегося в границах культуры, мыслитель уже, в некотором смысле, способствует её дальнейшему разрешению. Не исключено, что теория дисциплинарной власти М. Фуко является истоком целого направления в культурологии, которое, возможно, будет иметь место в будущем, и займёт достойную нишу в гуманитарном знании, которое, в свою очередь, посредством этого сможет конкурировать с естественными науками. Речь идёт о прикладной культурологии. Под термином «прикладная» культурология, подразумевается не индустрия развлечений, проведения досуга и т. д., хотя именно это и составляет её предмет сегодня, что многие считают в корне неверным, а изучение практик и механизмов, способствующих сохранению субъектом своей идентичности, то есть теория онтологической безопасности.

Итальянский философ Дж. Агамбен в своём труде «Homo sacer» также развивает концепцию биополитической власти. Мыслитель считает, что предложенная им теория власти является продолжением концепции, ранее разработанной Фуко. Восполняя пробелы, оставленные французским философом, Агамбен в своём труде «Что остаётся от Аушвица» рассматривает концлагерь как зону абсолютного исключения права. Возникновение подобных «учреждений» философ считает не столько политикой, сколько биополитикой или искоренением неугодных слоёв населения.

Homo sacer (человек священный) Агамбена довольно противоречивая фигура. То ли святой, то ли проклятый, его нельзя приносить в жертву, но убийство его разрешено и не будет наказано. Маргинал, стоящий на обочине жизни...

В качестве предельного выражения биовласти Агамбен рассматривает нацизм, задачей которого, по мнению философа, было отделение «bios» от «dzoe», говорящего от живущего, того, кого они считали «людьми», от тех, кому уготована участь «нелюдей».

Ещё одна проблема, которую поднимает Дж. Агамбен – проблема политизации смерти, которая возникает одновременно с открытием 4-го вида комы, получившей название «запредельной», при которой полному прекращению реактивных жизненных функций соответствует полное прекращение вегетативных жизненных функций. «Запредельная» кома всецело является порождением новых технологий» [9, с. 160]. Таким образом, появилась необходимость дать новое

определение смерти. Это было обусловлено также тем, что наряду с открытием «запредельной» комы произошло усовершенствование технических возможностей трансплантации, что автоматически делало людей с «запредельной» комой потенциальными донорами. Итак, решение было найдено и отныне смерть пациента устанавливается по смерти всего мозга, т.к. последний пока не подвержен пересадке.

Из вышесказанного Агамбен делает следующий вывод: «Смерть сердца перестала быть надёжным критерием после появления соответствующих технологий пересадки, точно так же и смерть мозга перестанет быть им в тот день, когда состоится первая пересадка мозга» [9, с. 163]. Следовательно, сегодня жизнь, как и смерть, являются не научными, а сугубо политическими понятиями.

Проблемы жизни и, главным образом, смерти поднимает в своём труде «Наше постчеловеческое будущее» и современный американский философ Ф. Фукуяма. «Изменится отношение людей к смерти. К ней могут начать относиться не как к естественному и неизбежному аспекту жизни, а как к предотвратимому злу вроде кори...» [8, с. 106]

Данная монография носит футурологический характер. Автор пытается максимально достоверно спрогнозировать, что ожидает нашу цивилизацию в не столь отдалённом будущем. Одной из основных движущих сил исторического процесса он называет развитие технологии и науки, однако человечеству не стоит забывать о том, что многие технологические достижения ограничивают его свободу. Речь в монографии идёт преимущественно о технологиях продления жизни, посредством развития медицины и о демографических сдвигах, которые этим обусловлены. Выход из сложившейся ситуации Фукуяма видит в следующем: «государства должны политически регулировать разработку и применение таких технологий, организовав институты, которые будут различать технологический прогресс, способствующий процветанию человека, и прогресс, составляющий угрозу человеческому достоинству и благополучию...» [8, с. 257]

Итак, со временем развитие технологии может дать нам возможность выбирать свою внешность, интеллектуальные способности, создавать «младенцев на заказ». Мы «сознательно возьмёмся за наше биологическое строение, а не оставим его в руках слепых сил естественного отбора. Однако постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие «общечеловеческого...» [8, с. 308].

Советско-американский учёный А. А. Болонкин в своей работе

«XXI век – начало бессмертия людей» прогнозирует, что уже к 2050 году человек сможет менять свой облик, обладать огромной силой, в доли секунды приобретать любые знания. Умственные его способности возрастут в миллионы раз. Для этого обычному среднестатистическому человеку требуется самую малость – стать Е-существом или получившим бессмертие. Каким образом можно стать бессмертным? Необходимо перенести содержимое вашего мозга на электронный носитель. И никто не запретит вам сделать миллион копий себя самого. Но самое парадоксальное то, что доктор наук, профессор, специалист в области авиации, космонавтики и компьютерной техники А. А. Болонкин пишет об этом со всей возможной серьёзностью. Ведь нет абсолютного ничего предосудительного в том, что «человек с радостью готов заменить любой свой вышедший из строя или неизлечимый орган искусственным, который к тому же, как правило, будет работать дольше и надёжнее» [1].

Е-существа не будут нуждаться ни в пище, ни в чистом воздухе, ни в сексе, ни в деньгах. Их основным занятием будет развитие техники и науки. Вот такую полуфантастическую киборгизированную утопию представляет нашему вниманию профессор Болонкин.

Конечно, трудно поверить, что мы когда-нибудь сможем достичь такого уровня технического прогресса и настолько абстрагироваться от человеческой сущности. Однако уже сегодня широкое использование протезирования, вживления искусственных органов, особенно на Западе, даёт почву для размышлений. Поощрение же подобных операций без весомых на то причин явно не будет способствовать сохранению человеком его идентичности.

Правомерным здесь будет упомянуть учение о селекции применительно к человеку, которое было популярно в начале XX века, но в послевоенный период попало в один ряд с нацистскими преступлениями и было запрещено. Речь идёт о евгенике, проблемы которой в современную эпоху решаются в рамках генетики. Основателем евгеники был английский антрополог Ф. Гальтон. «Из-за очевидной этической революционности научная евгеника с самого начала столкнулась с напором критики со стороны религиозных и общественных организаций, не видевших необходимости и обоснованности превращения человечества в «гигантский конный завод» [4, с. 83].

Итак, можем подытожить: очевидно, в основе перечисленных выше прогнозов и изменений лежит фундаментальная мутация культуры, изменившая к концу XX века отношение между знанием и силой и повлёкшая за собой кризис самоидентичности, её своеобраз-

ное «патологическое состояние» [3]. Сложные процессы происходят с самоидентичностью человека в мире современных биотехнологий. «Речь идёт о характеристике современных структур самоидентификации, возникающих в среде биотехнологических практик, как своеобразном нестабильном, экзистенциально опасном переходном состоянии от стабильных структур прошлого к неустойчивым структурам самоидентификации человека будущего» [2, с. 312].

Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас в своей работе «Будущее человеческой природы» исследовал антропологические последствия евгеники. Основным аргументом философа против евгеники является то, что она на место коммуникативной связи между потомками и предками ставит манипулятивную связь между изготовителем ребёнка как продукта биотехнологий и самим ребёнком как своеобразным изделием. «При этом речь вовсе не идёт о протесте против вызывающего всеобщее одобрение прогресса научного познания, но о том затрагивает ли рост этих научных достижений наше самосознание...» [3, с. 23].

Согласно Хабермасу, важным критерием самосознания человека как свободной личности является неуправляемость его генетическими задатками. «... этот тип управляемости допустим лишь по отношению к вещам, но не в отношении к людям...» [3, с. 24]. Принципы же евгеники формируют отношение к человеку не как к незаменимой личности, имеющей идентичность, а как к изделию, которое всегда можно переделать.

Подводя итоги, можем заключить, что успехи биотехнологий, достигнутые в таких областях как трансплантология, новые репродуктивные технологии, контроль рождаемости, генная инженерия размывают традиционно сложившиеся границы рождения, жизни и смерти, нормы и патологии, различение своего и чужого, делают невозможной существование идентичности субъекта как таковой. Природные предпосылки существования человека, которые ранее были даны, теперь становятся объектом целенаправленных биотехнологических манипуляций.

Література:

1. Болонкин А. А. XXI век – начало бессмертия людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bolonkin.narod.ru/p8.htm>.
2. Тищенко П. Д. Новейшие биомедицинские технологии: Философско-антропологический анализ // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М.: Наука, 2004. – С. 309-332.

3. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – М.: Весь мир, 2002. – 144 с.
4. Хен Ю.В. Евгеника: Основатели и продолжатели // Человек. – № 3. – 2006. – С. 80-88.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. И. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999. – 455 с.
7. Фуко М. Ницше, генеалогия, история/ Ницше и современная западная мысль: Сб. статей под ред. В. Каплуна. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. – 592 с.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. – М.: ООО «Издательство АСТ», ОАО «Люкс», 2004. – 349 с.
9. Agamben G. Homo sacer: sovereign power and bare life – Stanford: Stanford University Press, 1998. – 199 p.